

УДК 101.8: 140.8

А. В. Гижа

(к. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая народная республика, РФ)

**АКСИОМАТИКА И ПРОЦЕДУРА ПОНИМАНИЯ В
МАТЕМАТИЧЕСКОМ ЕСТЕСТВОЗНАНИИ, ТЕОЛОГИИ
И ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИНАХ**

***Аннотация.** Рассматриваются проблемы и специфика получения знания в различных сферах рационального мышления. Показана особенность предметности в естествознании, теологии и философии. В последнем случае квинтэссенцией познавательных усилий является, по мнению Гегеля, уяснение «духа эпохи». Этот аспект остается действительной задачей современности, приобретающей дополнительную актуальность в связи с радикальной сменой мировоззренческих, социальных и политических ориентиров последних десятилетий.*

***Ключевые слова:** теория, познание, наука, предметность, квазипредметность, идеология, аксиомы, понимание.*

A. V. Gizha

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

***Abstract.** The problems and specifics of obtaining knowledge in various fields of rational thinking are considered. The peculiarity of objectivity in natural science, theology and philosophy is shown. In the latter case, the quintessence of cognitive efforts is, in Hegel's opinion, the elucidation of the "spirit of the epoch." This aspect remains a real task of our time, which is gaining additional relevance due to the radical change in worldview, social and political orientations of recent decades.*

***Key words:** theory, cognition, science, objectivity, quasi-subjects, ideology, axioms, understanding.*

В сфере мышления, трактуемом как в личностном, так и в социальном отношении, присутствует особый уровень сознания, являющийся своего рода начальным и базисным. Это состояние предпонимания, нашедшее свое развернутое выражение в философской герменевтике (Г.-Х. Гадамер) и феноменологии (М. Хайдеггер). Интерес к нему в XX в. не является традиционной особенностью исключительно философии, поскольку тема истоков мышления, исходно-доопытных

(как представляется субъекту) и определяющих, в конечном счете, установок мышления проявился в точном естествознании уже в ньютоновских «Математических началах натуральной философии» (издано в 1687 г.). В свою очередь, Ньютон за образец брал структуру «Начал» Эвклида. В его произведении мы видим подобную структуру исследований: у Эвклида первые разделы группируют (1) Определения, (2) Постулаты и (3) Общие понятия (собственно аксиомы) [1], у Ньютона, соответственно, идут (1) Определения, (2) Поучения, где дается определение пространства, времени, движения и места, и (3) Аксиомы (законы движения) [2]. Здесь и по смыслу видим полную идентичность, и даже по форме все воспроизводится в той же методологической матрице.

Эвклид впервые дал выверенный, парадигмальный образец математического типа умозаключений. Но интерес и значение такого подхода превосходят отраслевую единичность математических задач. Он в идеальной форме выражает модель правильного, т.е. явным образом обоснованного мышления, имеющего семантически замкнутый характер. Последнее означает, что используемый набор понятийно определенных объектов, на основе которых выстраивается вся процедура познания той или иной области, имеет отчетливый, предметно-верифицируемый характер. В таком мышлении нет места (или это сведено к контролируемому минимуму) умозрительным спекуляциям, логическим перескокам и содержательным нестыковкам, апелляции к принципиально непроверяемым ситуациям как имеющих существенное значение. Такое мышление имеет своим источником и начальным пунктом действительность, с которой можно работать и вообще взаимодействовать инструментально и, в конечном счете, технически.

Предметность действительного, т.е. в широком смысле рационального познания весьма разнообразна. Она включает в себя и предметность ощущаемую, фиксируемую эмпирическими методами, и предметность идеально-знакового, в пределе – символического, культурно-исторического типа. Здесь необходимо отметить, что для целей рационального познания предметность должна быть специальным образом выстроена. Она не дается некоторым однозначным и очевидным образом. При этом возможна, например, квазипредметность теологии, которая целиком и полностью определяется Священным Писанием. Это керигматические религии, к которым относится и христианство. Квазипредметность мыслимой трансцендентности не попадает, как показал И. Кант, в сферу человеческого опыта. О ней можно составить объективное мнение – но не как о фрагменте реальности, а в смысле раскрытия логики оперирования чистыми знаками с приписанным из идеологических соображений значением. Квазипредметность исключена из сферы научного познания. В ней объективируется образно данная наглядность того, что «как-кажется-есть». Причем, момент кажимости полностью скрыт как таковой, но присутствует в утвердительном виде безусловно наличного. То, что должно быть оценено только как гипотетическая возможность (правильного описания) выступает в явном виде несомненной реальности.

Конечно, не всякая работа со знаками несет в себе идеологическую направленность, как считал, например, М. Бахтин. В своей работе «Марксизм и философия языка» он сначала совершенно верно определяет знаковый характер идеологии: «Все идеологическое обладает значением: оно представляет, изображает, замещает нечто вне его находящееся, т. е. является знаком. Где нет знака — там нет и идеологии» [3, с. 13]. Логически отсюда можно заключить, что идеология включена в множество знаков как их определенная конфигурация. Но считать, что все знаковое содержание является идеологическим продуктом неверно. И это хорошо видно из следующей констатации М. Бахтина, где он предельно расширяет область идеологического: «Ко всякому знаку, - пишет он, - приложимы критерии идеологической оценки (ложь, истина, справедливость, добро и пр.). Область идеологии совпадает с областью знаков. Между ними можно поставить знак равенства. Где знак — там и идеология» [3, с. 14]. Истина и ложь, однако, не попадают в идеологическую сферу, относясь к характеристикам — в проверяемом виде — к научному, в первую очередь, естественнонаучному познанию. Нет ни особенной арийской физики или математики, или, к примеру, буржуазной химии. В познавательных процедурах точных наук отсутствуют классовые интересы. Похоже, что М. Бахтин в своем отождествлении идеологического и семиотического воспроизвел первоначальный смысл понятия «идеология» времен Дестюта де Траси. При этом нивелируется собственный смысл идеологичности, а именно тот, который был получен исторически и был совершенно ясен уже Наполеону. «Понятию “идеология”, изначально в среде философов использовавшемуся для обозначения науки об идеях, их происхождении и развитии, Наполеон первым придал политический, и притом отрицательный, смысл» [4, с. 101]. Этот политический смысл и остался в дальнейшем объективной характеристикой идеологий. Если сопоставить тексты М. Бахтина о знаках и идеологии с мнением Наполеона, то трудно избавиться от впечатления, что речь идет о совершенно различных вещах. Вот здесь и рождается феномен квазипредметности как результат формирования такой историко-культурной реальности, которая целиком фиктивна, образует пустую видимость досужих умствований резонеров и моралистов, либо выражает построения идеологов в собственном смысле, апологетику господствующего класса.

Уточним содержательность указанного феномена квазипредметности в зависимости от специфики основных типов рассуждений в теологии, социогуманитарных дисциплинах и в точном естествознании. Сразу можно отметить, что в последнем случае, в точной науке, квазипредметность может какое-то время существовать как ложно овеществленная модельность, т.е. при условии реализации случая введения некой гипотетической моделирующей схемы без проверки ее реального соответствия действительности. Исторически таких схем было сравнительно немного, наиболее известны четыре — вихревая концепция близкодействия Декарта, модели горения с выделением флогистона, теплопереноса как движения невесомой жидкости, теплорода и среды для распространения электромагнитных

волн, эфира. Эфирная модель до сих пор не дает покоя некоторым любителям физики с явно конспирологической направленностью, поскольку они видят в признанных концепциях теоретической физики признаки заговора ученых, которые, по их мнению, уже не первое столетие не дают хода прогрессивным взглядам и теориям. С таким историческим сознанием можно пытаться оспорить любую научную истину невзирая на ее давнее использование в промышленном производстве. Но это уже явные признаки сектантского психотипа, для которого принципиальный неконформизм служит отличительной особенностью личности.

Отметим, что роль представляющих моделей в науке далека от простой их оценки «правильно-неправильно». Даже нерелевантные модели, опровергнутые дальнейшим ходом познания, способны сыграть существенную роль в установлении истины. Так, представление теплорода было использовано Сади Карно в его успешной разработке проблем термодинамики. Механические аналогии использовал Дж. К. Максвелл при выводе своих знаменитых уравнений. Несмотря на свое полуклассическое приближение, остается в физике планетарная модель атома Бора-Резерфорда. Эти модельные описания выполняют вспомогательную функцию в познании, давая необходимую наглядность рассматриваемых процессов. В период зарождения натурфилософии, в милетской школе (и далее) именно требование наглядности заставляла первых мыслителей интерпретировать первооснову мира в простых натуралистических представлениях. Вода Фалеса выражает иносказательное истолкование глубокой мысли, что все содержательное разнообразие сущего, в том числе и сами боги, включено в мировой круговорот с центрирующим сверхсущим началом.

Еще одной особенностью познавательных процедур в науке является то, что модель в ней изначально может выполнять служебные функции без претензий на полноценный изоморфизм с тем, что в ней моделируется. В таком случае она идет с приставкой «как бы». Примером такой, казалось бы, необязательной модельности может служить представление распространения упругих волн (звука) в твердых телах, описанном как движение специфических «звуковых частиц», фононов. Их в реальности нет, это квазичастицы, но через такую моделирующую структуру можно с меньшими усилиями рассчитать поведение кристаллической решетки.

Таким образом, в науке идеальное воспроизведение реальности, которое может оказаться квазипредметным, проходит либо под знаком гипотетичности и тогда статус предлагаемой модели проверяется, либо с ее помощью выполняются требуемые расчетные действия и тем самым ее условность нивелируется, либо она задает необходимую степень наглядности на первом тапе исследований. Отсюда видно, что даже в условиях неизбежной гипотетичности вводимых модельных представлений, но с учетом всего многообразия методологически продуманной работы с ними, в целом удастся достичь познавательных целей по формированию комплекса не только объективного, но и технически приложимого знания.

В теологии также, как и в науке, отчетливо видна особенность рассматриваемой предметности, только здесь она носит подчеркнуто трансцендентный, внеопытный характер. Она выступает как концептуально сконструированное описание божественного бытия и его влияния на бытие человека. Это и есть в чистом виде квазипредметность, принципиально не верифицируемая и всегда – с позиций рационального мышления – не вписывающаяся в истинностно раскрываемый порядок реальной действительности, как материальной, так и историко-культурной, идеальной. Она может существовать лишь как предмет безусловной веры.

С самого зарождения отвлеченной рациональности философы эту проблемность вполне осознавали. Так, Ксенофан, в переложении Псевдо-Аристотеля, так начинает рассуждать о боге, проводя, фактически, процедуру строго логического конструирования этого умопостигаемого объекта: «Если нечто есть, - говорит он, имея в виду бога, - то оно...» [5, с. 160]. Он не говорит, что нечто – бог - есть, но ставит условие, в рамках которого будет проходить дальнейшее рассуждение. И дальше мыслит строго логически, аргументируя. Это вариант недогматического, философского мышления, в котором всегда учитывается момент неопределенности и формальной недоказуемости истинности неких основоположений. Ксенофан это выражает как утверждение неисчезающего сомнения в построениях предельно общего типа: «Истины точной никто не узрел, и никто не узнает из людей о богах и о всем, что я только толкую... Во всем лишь догадка бывает» [5, с. 173].

Теологический дискурс основывается исключительно на отношениях между пустыми знаками с приписанным им – из социоформирующей потребности и сообщений поддержки верховной власти – смыслом и денотатом. Все это множество приписанного содержания образует идеальный объект, называемый в логике десигнатом. Это и есть существо квазипредметности как таковой, построенной (или индуцированной) в культурно-историческом поле реальной практики.

Если нет знания точной истины о предельно общих вещах, как это было отмечено уже на раннем этапе рационализированных рассуждений, то под вопросом оказывается весь комплекс социально-гуманитарных дисциплин и мы переходим к вопросу об основаниях правомочных суждений в их сфере. Выше был приведен пример исходной констатации М. Бахтина о тождестве знака и идеологичности. Предшествовало ли ему введение достаточного основания для такого суждения? Нет, оно прозвучало декларативно. И, тем не менее, основание для него есть, мы его нашли самостоятельно в контексте первоначального введения понятия идеологии во времена господства школы французских «идеологов» (Дестют де Траси, Кабанис, Вольней и др.). Именно они понимали метафизику как «идеологию» в смысле учения об идеях. Является ли этот первоначальный смысл именно тем смыслом идеологии, как он сформировался исторически? Конечно, нет. Идеология не есть учение вообще об идеях, а представляет учение об определенной группе идей, выражающих политические, классовые интересы. Стало быть, М. Бахтин воспроизводит старые контексты, набор значения которых не прошел сито исторической прак-

тики. Они носят общепознавательный и в большой степени нейтральный относительно существующей власти характер. Т.е. из понимания М. Бахтиным идеологии просто-напросто выхолощено ее реальное содержания и потому оно не может быть оценено ни как верное, ни как в каком-то смысле продуктивное. Возможно, он хотел показать, что тотальность идеологии СССР 30-х гг. прошлого века есть нормальный культурный феномен, означающий просто совпадение семиотического и идеологического аспекта общественного сознания, но это уже опять-таки поиски оправдывающего (или объясняющего) контекста, что является явно излишним в трактовке исходного текста.

Определенная декларативность присутствует и в строго научных источниках, например, в упомянутом труде И. Ньютона [2]. Там в разделе «Аксиомы или законы движения» сразу идет формулировка первых трех законов классической механики, без каких бы то ни было обосновывающих соображений. Другое дело, что эти три закона далее получают полное и конкретное содержательное подтверждение в экспериментально измеренных механических процессах, от простого перемещения отдельного тела до движения большого количества частиц в термодинамике.

Аналогичной и методологически прозрачной проверочной процедуры в социально-гуманитарных дисциплинах нет, поскольку культурно-историческая реальность выстраивается самим индивидом, а не предзадана ему природноподобным образом. Прямое сравнение модели с некой внешне существующей исторической реальностью как таковой, - за вычетом ее эмпирического описания, конечно, невозможно. Ведь тут смысл познания не сколько в правильном фактологическом отражении существующего человеческого бытия, сколько в выяснении направления его формирования и изменения. Кроме того, само это направление двояко, оно может выражать ведущую существующую тенденцию, прочерченную в будущее – это охранительство и консерватизм, но может формировать совершенно иную возможную фабулу событий, характеризующую утверждение подлинно человеческого способа существования. Что здесь будет истинным и реальным? Тут мы сразу попадаем, говоря обобщенно, в область классово определенных человеческих интересов, куда входят не только прямо выраженная политическая целесообразность, но и все ограничения, накладываемые классовой принадлежностью на кругозор личности, ее способность к умозаключениям, пристрастиям и типовым шаблонам поведения. Возможная последовательность смыслов-событий оказывается многогранной, и принудительное действие логики, заставляющей в природном познании принять должным образом обоснованную и экспериментально проверенную позицию, здесь иссякает. В герменевтическом отношении особенность проявления смысла как трансцендирования эмпирической стороны текста показал Г.-Х. Гадамер: «Мы ведь знаем, что значит уметь читать. Это значит, что буквы словно исчезают, а на их месте проступает смысл. В любом случае только формирование смысла в созвучии дает нам возможность сказать: "Я понял, о чем здесь говорит-

ся”». [6, с. 317]. Остается вопрос о смысловой насыщенности текста, содержательной множественности его трактовок и об отношении различных интерпретаций.

Тем не менее, и в этом случае дело познания вполне может совершаться объективным образом при условии включения в него предметной критики идеологии. Критерием должным образом выбранной линии исторического развития может служить достижение такого периода социального времени, в котором указанные направления совпадут. В этом моменте критика идеологии перестанет определяться иной идеологией, и теоретизация получит свою действительную форму научной рефлексии. Идеологичность как таковая канет в прошлое, невзирая на приписанный ей Бахтиным универсальный культурный статус.

Заключение. Типы рациональных суждений, специфически выраженных в точном естествознании, теологии и социально-гуманитарных исследованиях, т.е. в наиболее конкретном их виде, могут быть прослежены в следующей связи. В предметно-наглядной, эмпирически воспринимаемой форме реальности, т.е. в ее природной ипостаси, рациональная понятность и проверяемая опытным путем достоверность исследования обеспечивается, в конечном счете, осознанно введенным аксиоматическим базисом, на котором строится математическая модель явления. Именно такую методологию мы видим в фундаментальном труде И. Ньютона. В дальнейшем она специализируется в направлении выработки логически наиболее работоспособной формы математического описания в виде весьма неочевидных и абстрактных математических объектов. Иными словами, язык математического представления начинает совершенствоваться так, что его моделирующие качества распространяются на иные виды движений, и предметный охват сущего единой логикой – при всех частных различиях – становится элементом универсального отображения природы. Решающим обстоятельством здесь служит техническая применимость научных разработок.

Дискурс теологии также исходит из сознательно принятых положений, но уже не аксиоматического, а догматического вида. Все рассуждения в ней происходят в абстрактно отвлеченном виде, а привязка к материальной действительности всегда опосредована достаточно произвольным толкованием причин происходящего, таким, которое никогда не может быть ни подтверждено, ни опровергнуто. В результате в этой сфере мы имеем хотя и беспроеигрышный способ объяснения чего угодно, но, одновременно, и безрезультативный. Движение понимания в теологии происходит с нулевым результатом, что определяется общей квазипредметностью ее тематики. Соответственно, ни о какой технически ориентированной практичности речь в теологических построениях идти не может.

Комплекс социально-гуманитарных исследований весьма обширен и особенности рассуждений в нем невозможно как-то однозначно проиллюстрировать одной схемой. Но здесь присутствует ключевой фактор, имеющий особо важное и принципиальное значение. Это познание «духа эпохи», являющееся, по Гегелю, собственным делом философии. Выше уже показывалась методологическая слож-

ность решения этой проблемы общественного самосознания. Она состоит в том, что в систему, подлежащую пониманию, входит знание (и, конечно, заблуждение) о ней самой. Это знание возрастает, оно способно не только накапливаться, но и регрессировать. Сложность познания такой нелинейной системы со временем увеличивается. Причем, столь же верно, что это познание будет проходить легче и его результаты станут доступнее – если удастся пройти и в дальнейшем удержать стадию ее научного осмысления, как это сделано в трудах основоположников марксистского учения и их верных последователей. Аксиоматичность в сфере социально-исторического бытия выражена значительно слабее, нежели в математическом естествознании. В исследованиях мы встречаем, скорее, либо декларативность посылок, из которых далее будет следовать малосвязанный с ними вывод (как нередко бывает в нынешней отечественной версии марксизма), либо просто сами утверждения идут как декларации (см. приведенный выше пример с работой М. Бахтина). Есть и такой экзотический вариант философствования, когда и с посылками все в порядке, и логика вывода присутствует, но только эти посылки несут соображения прямо противоположного порядка, чем это было в творчестве того же автора в период советской истории. Последнее обстоятельство, на мой взгляд, представляет из себя куда как большую проблему для философствующих, нежели привычные и хорошо осмысленные темы академической философии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Начала Эвклида. Кн. I-VI. М.-Л.: Гос. изд-во технико-теоретической литературы, 1950. – 447 с.
2. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989 г. – 688 с.
3. Волошинов, В. Н. (Бахтин М. М.) Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М. : Лабиринт, 1993. – 190 с.
4. Кротов А.А. Наполеон и философская школа «идеологов» // Философские науки. 2019. Т. 62. № 9. С. 88–104. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-9-88-104
5. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. М.: Наука, 1989. – 576 с.
6. Гадамер Г.-Х. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. – 367 с.